

Карабанова Валентина Анатольевна
Valentina Karabanova

аспирантка кафедры теории, истории и философии культуры
ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»
postgraduate student of the Department of theory,
history and philosophy of culture,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
e-mail: brennoe2008@yandex.ru

ДИДАКТИЧЕСКАЯ РОЛЬ МАСКИ В ХОРРОР-КИНЕМАТОГРАФЕ

The didactic role of the mask a horror-cinema

Ключевые слова: хоррор-кинематограф, маска, архетип, лицо, тело, Антигерой.

Key words: horror-cinema, mask, archetype, face, body, Anti-hero.

Аннотация. Статья посвящена изучению социализирующей роли маски в культурном пространстве американского хоррор-кинематографа. На основании эмпирического анализа установлено, что художественные образы деструктивности представлены посредством системы масок, которые отражают многообразие связей человека с природой и социумом. А также выступают проводниками стратегии негативной инкультурации личности и социальных групп. Выявленный спектр хоррор-масок позволяет установить степень конфликтности природных и антропологических пространств в современной культуре и определить дидактические возможности этого жанра в эстетическом воспитании.

Abstract. The article is devoted to studying the role of socializing the mask in American horror-cinema. On the basis of the empirical analysis found that artistic images destructiveness presented through a system of masks that reflect the diversity of human relationships with nature and society. As well as serving conductors negative strategy of inculturation of the individual and social groups. The identified range of horror-masks allows you to set the degree of conflict of the natural and anthropological spaces in contemporary culture and to identify the didactic possibilities of this genre in aesthetic education.

Значение киноискусства в процессе формирования подрастающего поколения не нуждается сегодня в развернутом обосновании. Кино заполонило современную цивилизацию, став неотъемлемым символом массовой культуры. Яркие, динамичные, компьютеризованные кинообразы позволяют увидеть человека и его мир с неведомых ранее сторон. Они навязывают образцы поведения, становясь как идеалами действия или пассивности, так и способами их достижения. Эмоциональная насыщенность киноповествований становится также важным методическим приемом, обеспечивающим формирование эстетических и моральных предпочтений подрастающего поколения.

Хоррор-жанр, зародившись вместе с самим кинематографом, получил необыкновенную популярность среди зрителей всех возрастов, но именно дети оказались наиболее лабильной частью аудитории, для которой переживание страха становится знаком высокого художественного уровня. «Детские страшилки» повсеместно присутствовали во всех культурах, поскольку не только развлекали детей и взрослых, глазевших на средневековые казни и карнавалы, но и выполняли мировоззренческую, воспитательную функцию. Для неразвитого детского сознания «страшное» и «деструктивное» необычайно притягательно, поскольку содержит значительный потенциал неизвестного и загадочного. Именно он задает первичный познавательный интерес ребенка к миру, людям и самому себе, направляя его в как в социально-приемлемые, так и в откровенно девиантные формы поведения. Объекты детского любопытства определяют не только совокупность педагогических стратегий культуры, но и становятся основными персонажами хоррор-кинематографа, составляя его идейно-художественное пространство. Антигерой, его ужасающий внешний вид, вызывающее, девиантное поведение сначала выступают альтернативными моделями официальной социализации, а затем, по мере роста популярности хоррор-жанра, вытесняют традиционные педагогические стратегии. Это свидетельствует об утрате современной цивилизацией представлений о добре как ведущей ценности, определяющей дидактические и воспитательные цели культуры.

Однако хоррор-кинематограф выполняет не только деструктивные функции. Он владеет тонкостями психологии человеческих отношений, предлагая детям и молодежи собственный сценарий создания мира, альтернативный науке и религии. Изучение детского восприятия хоррор-образов – это серьезное и кропотливое исследование, которым никогда специально не занималась ни отечественная, ни зарубежная педагогика и культурология. Мы попробуем лишь обозначить аспекты этой проблемы.

Персонажи хоррор-сюжетов можно разделить на две группы: это обычные люди, в основном подростки или молодежь, и метафизические создания (Антигерои), претендующие на роль воспитателей и наставников, но совершенно непохожие на своих социальных прототипов, которые своим внешним видом напоминают ребенку взрослую жизнь, полную обязанностей, забот и ответственности. Пользуясь тем, что юные зрители тяготеют к более свободному и беспечному времяпровождению, Антигерои показывают им неведомые стороны человеческой натуры, повествуя им о возможном будущем. Антигерои используют карнавальные маски, чтобы донести до детей все табуируемое и запрещаемое в официальной школьной социализации и культуре.

Включение маски в дидактический и воспитательно-инициационный контекст человеческой культуры является ключевым, смыслообразующим процессом, органично соединяющим архаическое и деструктивное. Сакральный потенциал художественной маски выступает экзистенциальным маркером, разграничивающим для детского и подросткового сознания «Я» и «не-Я», свое и неведомое «Другое» в себе. Ее визуальные контуры наглядно указывают юному зрителю-ученику на актуальный комплекс компетенций, выраженных в знаниях, умениях и навыках. В

качестве педагогического ресурса здесь выступают глубинные, чувственно-эмоциональные переживания ребенка. Маска «вытягивает» на уровень осознания еще не ведомые для детей и подростков их собственные качества, которые вызывают в душе бурю эмоций, связанных с неизвестностью, опасностью и тревогой. В том случае, если такое эмоционально-лабильное состояние не становится предметом саморефлексии или не корректируется опытными педагогами наставниками, оно неминуемо атрибутируется ребенком негативно, и со временем может превратиться в абсолютно враждебные и агрессивные социокультурные реальности, разъедающие как его тело, так и душу.

Именно наличие подобных оценок свидетельствует, по мнению К.Г.Юнга, о присутствии бессознательного противоречия между архетипом «Тени» и комплексом социально-ролевых моделей поведения, названных в аналитической культурософии «Персоной». С.А.Маленко считает закономерным тот факт, что «раскрытие сущности архетипа «Тени» сам Юнг начинает с анализа опыта первичного соотношения индивидуального сознания с коллективными формами организации социального бытия» [2, С.38]. «Персона» «представляет социальное «Я», ту или иную роль, которую усваивает ребенок или подросток, обусловленную бессознательно направленными на него социальными ожиданиями родителей и педагогов.

Для юного зрителя Персона – это хоррор-маска, видимость, которая «играет» во взрослую индивидуальность, принуждая и молодого человека, и окружающих думать, что он – полноценная личность, избавленная от многолетних педагогических воздействий. На более поздних этапах развития ребенка Персона-Маска выступает промежуточным результатом социально-педагогической коммуникации, набором полностью программируемых поведенческих реакций, уродующих сущность воспитуемого. Безобразные хоррор-маски отпугивают, настораживают, шокируют, угрожают и шантажируют юного зрителя своим нестереотипным представлением об инобытии прекрасного в социокультурном пространстве. Они фиксируют факт символического нисхождения ребенка в глубины коллективного бессознательного, где он один на один, без педагогической поддержки, сталкивается со всей непризнанной и отринутой обществом палитрой образов архетипа «Тени». А.Г. Некита считает, что «Тень» в современной культуре имеет «официальный статус “естественного” фона отчужденного социального “развития”, [...] превратилась в негативный, внешний, господствующий над социальностью Рок» [3, С.60].

Яркий иллюстративный материал фильмов ужасов позволяет по-новому оценить социокультурный статус ребенка и «взрослого» мира, в который он вступает. Маски Антигероя являются имагинативными комплексами, методическими приемами, обучающими юного зрителя различению добра и зла, подлинного и мнимого. Выражаясь традиционным языком педагогической науки, хоррор-маска – это экстремальное, дигитальное, наглядное пособие, которое, минуя школьную абстрактность, устанавливает вненормативные отношения с ребенком, перетягивая его сознание на сторону зла. Культурологический анализ основных масок Антигероя способен установить актуальные на том или ином этапе развития личности ребенка ментальные, мировоззренческие и педагогические проблемы, которые таким

образом визуализируются и персонифицируются.

Маски Антигероя в хоррор-кинематографе позволяют определить актуальные для детского восприятия грани реальности. В то же время, они радикально уводят детское сознание от действительности, скрывая ее за фантастическими и вымышленными чертами. Подобное разрушение архетипических критериев телесной и культурной идентичности усугубляет инфантильность не только у подрастающего поколения, но и среди взрослых. Поэтому, наличие позитивных дидактических моментов в эстетике хоррор-маски, не умаляет опасности распространения хоррор-культуры в детской и молодежной аудитории в условиях постмодернистского ослабления традиционных педагогических стратегий. С другой стороны, ориентация на медийность и созерцательность в хоррор-жанре, в корне противоречит классическим социальным идеалам, ориентирующим новое поколение на созидание знаний, стремлений и поступков. Повсеместная «хорроризация» современной культуры предъявляет особые требования и к учителю, который всегда должен быть на шаг впереди своих учеников и предвидеть возможные опасности, возникающие в процессе их взросления. Одним из действенных педагогических приемов, снижающих хоррор-зависимость подрастающего поколения должен стать открытый диалог учителя и ученика, предполагающий совместные просмотры, обсуждения, дискуссии, раскрывающие гуманистические и деструктивные тенденции этого киножанра. В противном случае общество может столкнуться с развитием детских и подростковых страхов, перерастающих со временем в фобии, девиантное и агрессивное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания и Нового завета. Канонические. Объединенные библейские общества, 1992. – 1224 с.
2. Маленко С.А. Архетипические образы и родовая среда осуществления мифа: монография. – Великий Новгород, 2006. – 207 с.
3. Некита А.Г. Социальное за-бытие архетипа: аналитика и механизмы функционирования: монография. – Великий Новгород, 2006. – 217 с.
4. Noel C. *Philosophy of Horror, The: Or, Paradoxes of the Heart*. – New York: Routledge, 1990. – 272 p.